

* Встреча с интересным человеком

Елена Васильевна ОБРАЗЦОВА,

солистка Большого театра, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии.

Более двадцати лет работает Е. В. Образцова в Большом театре. Необычайно богат репертуар певицы, включающий самые разнообразные жанры отечественной и зарубежной музыки. Многочисленны ее выступления в оперных театрах и концертных залах страны. Гастроли артистки с нетерпением ждут на ведущих мировых сценах. Образцова не раз участвовала в постановках прославленных оперных театров — миланского «Ла Скала», нью-йоркского «Метрополитен-опера», Венской оперы, парижской «Гранд-опера». Она заняла ведущее место в мировом оперном искусстве, работая с певцами и музыкантами самого высокого класса.

ЭНЕРГИЯ ТАЛАНТА

Когда более десяти лет назад в Марсельской опере Образцова спела Шарлотту в опере Массне «Вертер», музыкальные критики называли ее «королевой вокала», которая превосходит самых знаменитых оперных див XX века. «Пари-матч» писал: «Елена Образцова — самый крупный лирический талант мировой оперной сцены».

— А с чего все началось, Елена Васильевна? Как родилось желание стать певицей?

— Потребность слушать музыку, воспроизводить ее голосом возникла у меня очень рано — лет с пяти. Я росла, и росла эта жажда — петь, петь петь. И теперь я не могу прожить без музыки и дня. Никогда не делаю перерывов в пении, не берегу голос, как другие певцы.

Когда наша семья вернулась из эвакуации в освобожденный Ленинград, где я и родилась, почти все в доме было разрушено, но каким-то чудом уцелели пластинки с Джили, Карузо, Шаляпиным. Их собирал мой отец. Он был музыкально одарен, играл на гитаре, скрипке, неплохо пел. В конце концов я даже уроки стала готовить под музыку. Соседи дразнили меня «певицей» и жаловались маме, что я целыми днями завожу патефон.

— Но от пристрастия до вершин мастерства дистанция неизмеримая. Преодолеть ее выпадает единицам.

— Для прорыва к этим самым вершинам нужен ступень энергии, усилий. Наверное, подойдет сравнение с космическим кораблем — какое невероятное ускорение он развивает, чтобы преодолеть тяготение, выйти на свою орбиту. Так и в любом деле. Я не верю ни в случай, ни в везение — они могут подтолкнуть человека на том или ином пути, но сделать мастером — никогда. Только работа, только непреходящее усердие, дисциплина и ответственность перед собой и людьми.

— Но лично у вас это ускорение, кажется, так и не кончилось?

— Период ученичества — в училище, консерватории был только началом. Но именно в этот период закладывается фундамент, на котором можно построить здание своего мастерства.

У меня этот фундамент был еще весьма некрепок, когда пришел первый успех — победа на конкурсе вокалистов, приглашение работать в Большом театре. А я еще была студенткой. Можно представить, какие ловушки меня подстерегали. Но мой первый концертмейстер Александр Павлович Ерохин уберечь меня от них. В густоте похвал, раздававшихся в мой адрес, он разглядел зияющие пустоты незнания. Он мне так и сказал: «Да, я буду с вами работать, но мое условие — музыкальное познание. Изюм дня в день. Слушайте и сравнивайте. Только в отборе кроется тайна искусства». Этому человеку я обязана своим музыкальным развитием.

Он владел уникальным собранием нот, составил фонотеку музыки всех времен и народов, работал со многими выдающимися певцами. А со мной он поступал самым невероятным образом, чтобы заставить заниматься: запер на ключ в своей квартире, а сам уходил по делам. Я часами слушала музыку — от Баха до наших современников. И так примерно год. Порой я ненавидела Ерохина за эту пытку. Но он добился своего — развил мое понимание искусства, научил думать над произведением.

— Но в обыденном сознании распространено представление о «божьем даре», природных данных, уникальном голосе.

— Есть, конечно, великолепные певцы, одаренные от природы красивым голосом и музыкальностью, которые находят приемы пения интуитивно, не очень осознавая, как это происходит. Они поют, как птицы. Такая Джоан Сазерленд. Но полагаю, что обладатель красивого голоса можно простить поверхностное знание музыки, — опасное заблуждение. Когда я слышу певца, я могу его не знать, но сразу чувствую культуру пения — я это слышу через музыку. Я узнаю о его интеллекте.

— А о таланте?

— Непростой вопрос. Как говорит Георгий Свиридов: «Сейчас так все усовершенствовалось. Люди все умеют, все могут изобразить, все научились имитировать. Даже талант». И все же настоящий талант — по-прежнему редкость. Но он обязательно проявит себя. Потому что талантливейший человек, я считаю, это человек, у которого есть «он сам», есть то, чего нет у других. И есть способность выразить то, что в нем живет. В заискусности, конечно, от инструмента, материала, которым он владеет. Для певца этот инструмент — его голос. Но иметь инструмент — не значит быть музыкантом.

— Или обладать роскошным голосом, но не быть настоящим певцом.

— Сколько угодно таких примеров, и наоборот. Элизабет Шварцкопф и Мария Каллас — великие музыканты, хотя обе не обладали выдающимися по тем-

бру голосами. Я очень рано убедилась, что культ звука — не вся правда о пении. Нужно иметь, что сказать, и знать, как сказать. К сожалению, в нашей профессии немало людей, которым нечего сказать, даже своим прекрасным голосом. И это всегда видно, ведь сцена разоблачает.

— Относитесь вы подобно заключению и к другим жанрам — музыкальной эстраде, например?

— Безусловно. В сегодняшней отечественной эстраде я, пожалуй, не принимаю никого из певцов. Люблю Шульженко. Она была талантлива. Люблю Эдит Пиаф, Мирей Матье. Вообще люблю людей, действующих в искусстве дерзко, новаторски, пусть и с переизбытком. «Пере» всегда можно убрать. Добавить труднее. Повторяю часто своим ученицам слова Цвейга: «Плодотворно только чрезмерное, умеренное — никогда». А компасом в этих поисках и должны стать культура, интеллигентность артиста, его душевный и жизненный опыт. Певец должен находить время на книги, музеи, общение, дискуссии. И на одиночество. На природу. Нельзя уходить только в профессионализм, хотя его значение неоспоримо. Надо страдать, плакать, ошибаться. Надо жить страстями. Я убеждена, что человек, который не испытал в жизни многого, не будет большим артистом. Он не сможет «насытить своей душой», как говорит Свиридов, все то, что невозможно записать одними нотами.

— Вы вновь и вновь обращаетесь в нашем разговоре к этому имени. Это и понятно. Ваш творческий союз с композитором оказался чрезвычайно плодотворен.

— И работа, и дружба с этим человеком значат для меня много. Он мне очень близок по мироощущению. На вид его музыка проста. Но простота ее обманчива. Народная распевность сочетается в ней с изысканностью. Это как речь. А живая, настоящая речь выходит из глубин народного бытия. Такой глубиной проникнуто все, что делает Георгий Васильевич.

— Но вы находите общий язык с самыми разными художниками, в разных странах и разных постановках.

— Русские люди вообще очень восприимчивы к влияниям других национальных культур, к пониманию их. Это подмечено давным-давно. И этому в русском человеке всегда изумлялась заграница. Кстати, сейчас наши певцы очень ценятся за рубежом. Что касается меня, то каждые свои гастроли — и международные, и внутрисюзные — я расцениваю как еще одну возможность учиться, познавать. Актерский век короток. Певец обязан все время музыкально развиваться. А это возможно лишь в совместной работе с большими композиторами, с большими дирижерами, певцами, превосходными оркестрами, режиссерами. А если репертуар в театре узок, если певец всю жизнь поет пять опер, о каком развитии может идти речь! Чтобы выполнить все, что я задумала, мне каких-то ролей пришлось бы ждать в Большом театре долго. И так же Нестеренко, Атлантову, Мазурку. Поэтому гастроли становятся насыщенной необходимостью.

— Вопрос, затронутый вами, имеет, по-видимому, прямое отношение к некоторому кризису в организации оперного дела, о котором все чаще говорится в последнее время?

— Причин у этого неблагоприятного множества. Начиная с неудовлетворительной, на мой взгляд, подготовки вокалистов в консерватории. Пение — тяжелый душевный и физический труд, и именно ему студент должен отдавать свои главные силы. А получается, что учебное заведение выпускает широко образованных непрофессионалов. Для студентов консерватории до сих пор нет оперной студии. Неужели невозможно найти помещение?

Вот я уже «завожусь» и не могу спокойно говорить на эти темы. Несомненный и несправедливый в оперных театрах дефицит. Давно пора взяться за их устранение. Необходимо постоянно обновлять и расширять репертуар, и не только по усмотрению дирекции, но и по желанию солистов.

В Большом театре, например, сейчас многие вопросы решаются коллегиально. Есть дирижерская коллегия, президиум художественного совета. Годятся новые постановки. Надо «Мазепой». П. И. Чайковского сейчас работает в качестве режиссера постановщика Сергей Бондарчук. Он давно мечтал попробовать себя в опере. Я сама влезла за режиссуру в работе над «Вертером». Ж. Массне. Всегда имела массу столкновений с режиссерами, отстаивая свой взгляд на тот или иной образ. Решила попробовать поста-

вить по-своему целый спектакль. Обе эти постановки будут готовы к концу года.

— И по-прежнему гастроль, концерты, работа над новыми партиями?

— А как же. В апреле — мае у меня опять гастроль. В Италии в Парме буду петь в «Сельской чести» П. Масканы и в «Паяцах» Р. Леонкавалло. Затем в ФРГ должна петь в «Пиковой даме» П. И. Чайковского. Жизнь распланирована по дням. Знаете, как говорила Марина Цветаева: «Во второй половине жизни важен не успех, а успеть». А я еще многое хочу успеть. Хочу как можно больше людей на земле познакомить с великой русской музыкой. Чем больше я езжу по миру, тем сильнее чувствую: я очень русская. Мне кажется, я что-то понимаю такое в русском человеке, в русской литературе, в нашей российской природе, что дает мне право петь русскую музыку, нести ее зарубежному слушателю. С наслаждением пою и итальянскую музыку, и французскую, и испанскую музыку, и немецкую. (Заметим, что Образцова поет на девяти языках, хорошо знает разговорный итальянский и французский языки). А когда приезжаю домой и пою Марфу в «Хованщине», душа моя наполняется необъяснимым счастьем и чистотой. Ни в какой другой опере, даже в тех, которые я страстно люблю, не переживаю я таких ощущений. И такого чувства кровного, родного, как в музыке Мусоргского. Это мой дом, Россия. Спою Марфу — и как будто очистилась от всех грехов...

— А хотелось бы вам спеть свою современницу, раскрыть характер героини сегодняшнего дня?

— Этого я давно хочу. Мне не раз предлагали выступить в операх, посвященных событиям советской истории. Но, к сожалению, музыка не поднималась до значимости, масштаба этих событий. Я отказывалась. Мое желание выразить свое отношение к проблемам современности, к нравственным поискам сегодняшнего человека во многом осталось нерешенным. Мне даже приходила мысль попросить такую роль в театре или кино. Так много передумано о жизни, людях, так много наболело в душе...

— И против чего вам хотелось бы выступить в первую очередь? Что вам чуждо в людях?

— Бездельников не терплю. Особенно с хорошо подвешенным языком. Всяческих прихлебателей, желающих спрятаться за чужие спины. У меня просто аллергия на людей самодовольных, начинающих, которые несут себя как драгоценность впереди своего дела. Вот, мол, я какой особенный и незаменимый. Обычно эта манера обратно пропорциональна деловой отдаче. Не могу себе представить, чтобы Свиридов нес себя. Или Федор Абрамов, или Василий Шукшин делали бы значительное лицо. Мне кажется, в корне каждого настоящего человека есть обожженность и боль, которые не позволяют ему делать значительное лицо. Главная — быть самим собой. И честным. Я никогда не пела плохой музыки. И я не пою музыки, которой не люблю.

— О ваших пристрастиях в искусстве можно судить по вашему творчеству, вашим выступлениям. О жизни артиста «за кулисами», дома, в быту мы, как правило, почти не знаем. У вас семья, дочь-студентка. Все это немалое «внемузыкальное пространство» тоже требует сил, души...

— И еще каких. Но, увы... Свои личные, житейские интересы мне постоянно приходится приносить в жертву своему делу. Порой я думаю: вот большая часть жизни прожита, а я еще не успела жить — работа, работа. Вечная неустраиваемость, вечные переезды, отели, чехомодны, смена климата и времен года, новые и новые люди... Иногда хочется все бросить и пожить спокойно. Побить подольше с дочерью, мне так часто приходится с ней расставаться... Не заметила, как и выросла. Она и профессию свою будущую выбрала самостоятельно — хочет стать журналистом.

Порой хочется самых элементарных, будничных женских занятий. Например, я очень люблю убирать квартиру, наводить уют. Но долгие годы до убранства квартиры у меня вообще руки не доходили. Так и осталась привычка — вожусь ли на кухне, делаю что-либо по дому — рядом всегда магнитофон включен или наушники на голове, чтобы времени не терять. Музыку новую учу. Не могу иначе.

Да что там говорить... Жизнь моя давно предопределена — я раб своего искусства. Именно оно более всего открывает мне красоту, романтизм, оптимизм жизни. Я хочу петь долго. И столько еще прекрасного в музыке, чего я не спела и должна спеть! Чтобы было интересно жить.

Беседу вел
С. ПАРАМОНОВА.